

5. Кафка, Ф. Доклад для академии / Ф. Кафка // Собр. соч. : в 5 т. – СПб., 2017. – Т. 4: Сторож склепа. – С. 38–47.
6. Сартр, Ж. - П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии / Ж. - П. Сартр. – М. : АСТ Москва, 2009. – 925 с.
7. Сартр, Ж. - П. Экзистенциализм – это гуманизм / Ж. - П. Сартр // Человек в осаде. – М., 2006. – С. 215–266.
8. Камю, А. Миф о Сизифе / А. Камю // Посторонний. Миф о Сизифе. Калигула. – М., 2015. – С. 123–280.

ФРАНЦУЗСКИЙ ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМ В ЕГО АМЕРИКАНСКОМ ВАРИАНТЕ: РОМАНЫ У. СТАЙРОНА

Т. Е. Комаровская

Философия экзистенциализма оказала большое влияние на литературу США. Одной из основных черт литературы США 1940–50-х годов считается определяющее влияние экзистенциализма, формирующее умонастроение писателей, ее философский настрой и эмоциональную атмосферу. Творчество многих видных писателей США послевоенного периода определяет это влияние, выражающееся, полно или частично, в воплощении идей экзистенциализма. Если назвать только крупнейших писателей, то это Дж. Сэлинджер, Т. Уайлдер, Дж. Херси, У. Стайрон и многие другие. Эта проблема подробно рассмотрена в работах Сидни Финкельстайна «Экзистенциализм и проблема отчуждения в американской литературе» и Т. Н. Денисовой «Экзистенциализм и современный американский роман».

Рассмотрим, как идеи экзистенциализма, идеи Камю, воплощаются в романах Уильяма Стайрона, в частности, в «Признания Ната Тернера» – романе о предводителе крупнейшего восстания рабов в Виргинии в 1831 г., который увидел свет в 1967 году и, казалось, был порожден всколыхнувшими всю Америку негритянскими волнениями в гетто Лос-Анжелеса и Детройта, что обусловило редкое для исторического романа внимание к нему критики и читающей публики. Между тем, прямым откликом на события дня этот роман никак нельзя было назвать – писался он в течение пяти лет, а замысел его возник у автора еще в конце 1940-х годов.

Достоверность образа чернокожего вождя восстания, соответствие его историческому прототипу вызвали горячую дискуссию в прессе, от положительного отклика историка Карла Ван Вудворда до отрицательного – Герберта Аптекера, обвинявшего автора в крупных искажениях и умолчаниях исторических фактов, а также гневных откликов черных критиков романа, собранных в книге «Нат Тернер Уильяма Стайрона: десять черных писателей отвечают» [1]. Аллен Холдер, предьявляя свой

иск к роману [2], справедливо отмечает, что главный пункт расхождений в оценке романа многочисленными его критиками заключается в вопросе о достоверности воссоздания сознания и характера раба.

Сказать, что образ героя психологически глубоко разработан, что все его действия психологически достаточно мотивированы, нельзя. Ни обстоятельствами жизни и судьбы Ната Тернера, ни его подавленной и потому извращенной сексуальностью нельзя до конца объяснить его всепоглощающую ненависть к белому человеку. Нельзя не согласиться с Алленом Холдером: отчужденный от людей герой Стайрона, чувствующий едва ли не отвращение к неграм, вряд ли подходит на роль лидера негритянского восстания.

Несмотря на несомненно справедливую критику важных частных романов, Аллен Холдер принципиально не прав в его оценке. Его критика рассчитана на исторический роман традиционного типа, на объективно-эпический роман. Стайрон же создал иной тип исторического романа – роман философский.

Автора мало волнует достоверность передачи исторических событий или воссоздания образа исторического героя. Это роман идей, роман не о человеке, носителе определенных идей, а роман идей, носителем которых становится один человек. Только поняв это, начинаешь различать в образе Ната Тернера второй план – экзистенциальный, и различать за героем его создателя, Стайрона, примеряющего на подходящий исторический объект увлекающую его систему философских взглядов. Только в таком контексте становится понятным известное изречение Стайрона: «Нат – это я сам».

Критиков романа недаром мистифицировал прекрасный поэтический образ, неоднократно возникающий на страницах романа, – сон и видение Ната, белоснежный храм, без окон, без дверей, на высоком песчаном утесе, окутанный молчанием, за которым – океан, не исполнившаяся мечта героя, сопровождавшая всю его жизнь. Нат в своем видении стремится в челноке по реке к храму, и далее – к океану, никогда не достигая его.

Исследователь интеллектуальных импульсов, интеллектуального климата американского романа 1950–60-х годов Джерри Брайант, рассматривая американский роман в терминах, близких к экзистенциализму, приходит к выводу, что человеком в американском романе правит жажда абсолюта, который человеку недоступен, что вызывает внутренний конфликт в повествовании, но из него же рождается жизнеутверждающая идея, что высшее удовлетворение для личности состоит в стремлении к воплощению абсолюта хотя бы в границах возможного. Океан и белоснежный храм, видения Ната и становятся в романе таким неосуществимым идеалом, символом свободы и красоты, к которому Нат стремится всю свою жизнь, и стремление это не покидает его даже перед казнью. Правильность подобного толкования этих символов подтверждает и еще один сходный с ними вспомогательный

образ – образ прекрасной широкой реки, к которой так стремится в своих мечтах убежавший от хозяина негр Харк, потому что за ней – свобода. Но люди, встреченные им на берегу, связывают его и отводят к хозяину. Негр ошибся, это оказалась не та река. Попытка Харка убежать обретает в романе значение экзистенциального символа – вместо того, чтобы бежать на Север, в свободные штаты, он кружит на расстоянии 40 миль от дома. Человек не может обрести истинную свободу в мире, он не ориентируется в нем. Тщетны его потуги. Иллюзорна свобода, о которой мечтает Нат Тернер и которая доступна ему только в снах; лжива свобода, обретенная Харком. Герой Стайрона познает абсурд бытия, когда желания человека наталкиваются на непонимание мира. Так идея Камю реализует себя в художественном пространстве романа.

Человек обречен, но, чтобы остаться человеком, он должен стремиться к абсолюту, но прежде должен ощутить себя в ситуации выбора и этот свободный выбор совершить.

Понятия «нравственный выбор», «духовное побуждение» возникают, словно экзистенциальный пароль, уже в первой же сцене романа. Размышления Ната о смысле и цели жизни протекают в рамках тех же экзистенциальных понятий «акт воли», «выбор», «существование» и приводят героя к осознанию необходимости совершения нравственного выбора для реализации своей человеческой сущности.

Итак, герой Стайрона ощущает себя в ситуации выбора и делает свой нравственный выбор – он выбирает бунт, тоже одно из основных понятий экзистенциальной философии, философии Камю (концепция бунта как противостояние чувству абсурда), хотя многое отделяет героя Стайрона от «Бунтующего человека» Камю. Образ бунтаря Ната Тернера прекрасно совпал с намерением Стайрона передать ситуацию выбора и моральную ответственность за него, ответственность за нарушение человеком человеческих законов.

Бунт Ната сродни бунту американского экзистенциального героя, описанному Ихабом Хассаном: «...герой... при столкновении с разрушительными силами замыкается в себе и становится бунтовщиком или жертвой общественных сил. Его невинность проявляется в решительном отказе признать власть реальности, и как герой он рождается в критический момент столкновения с опытом» [3, р. 14–15]. Олдермен, автор интересного исследования американского романа 1960-х годов, считает, что Стайрон в свои романы, написанные в 60-е годы, перенес мироощущение и интеллектуальный климат предыдущего десятилетия, имея в виду увлечение писателя экзистенциализмом.

Как и герой Сартра, Нат Тернер тоже открывает чуждый ему мир; как и экзистенциальные герои, он отстранен, чужд всем, неспособен на нормальные человеческие чувства: привязанность, любовь. В этом отношении он близок герою романа «Посторонний» Камю. Эмоциональная

палитра его взаимоотношений с миром совсем другая: отчаяние, ненависть, тоска, страх, всепроникающее одиночество: «Мое отчаяние и одиночество росли, и существование, которое я вел, казалось кошмарным сном, от которого я бешено старался пробудиться» [4, р. 243]. Экзистенциализм рассматривает жизнь как страшный сон, приход к осознанию существования лежит через тошноту. Но у Стайрона это экзистенциальное прозрение героя-негра, его обретение ощущения бытия носит специфический расовый характер: «В это время я стал все более углубляться в себя, в яркий, кишащий образами мир созерцания; чувство тупого отвращения, граничащее с почти непереносимой ненавистью к белым... стало доминировать над моим внутренним миром» [4, р. 286].

После Преступления, убийства Маргарет Уайтхед, следует Наказание, но герою Стайрона не дано пережить живительный катарсис и пробудиться, хотя бы духовно, к новой жизни. Его удел до последних минут перед казнью – одиночество, подчеркиваемое образом молчания (silence), которым автор окутывает своего героя, отделяя его от других людей, от Бога. Следует подчеркнуть, что этот образ – основной в художественной ткани романа для характеристики героя. Отсутствие звуков, молчание – его удел последних дней: безмолвные пейзажи, которые он видит из тюремного незастекленного окна, и более страшное молчание Бога, отвернувшегося от своего избранника и орудия. «Ощущение Его отсутствия было подобно бездонному и страшному молчанию в моем мозгу» [4, р. 78], – жалуется герой, с ужасом обнаруживающий, что он не может молиться. Герой в конце своего жизненного пути познает абсурдность жизни без Бога – одна из основных идей философии Камю.

Литература и источники

1. William Styron's Nat Turner: Ten Black Writers Respond. – Boston, 1969.
2. Holder, A. The Imagined Past / A. Holder. – London, Toronto, 1980.
3. Olderman, R. M. Beyond the Waste Land / R. M. Olderman. – New Haven ; London, 1976.
4. Styron, W. The Confessions of Nat Turner / W. Styron. – New York, 1968.